

Две страсти ТОММИ ЛИ ДЖОНСА

Собеседник — 1997 —
№ 36 — с. 14

Томми Ли Джонс — звезда двух хитов последних месяцев: «Вулкана» и «Людей в черном». Следующей его работой станет роль полицейского Сэма Джерарда в продолжении полицейской драмы «Беглец» — «Шерифы Соединенных Штатов», за которую несколько лет назад он получил «Оскара». Сейчас «Люди в черном» и «Вулкан» начали свое успешное шествие по российским городам и весям.

Томми Ли Джонс родился 15 сентября 1946 года в Сан-Саба, Техас, США. Учился в школе Сан-Марк в Далласе, Гарвардском университете, добился больших спортивных успехов в футболе. Сейчас разводит лошадей и занимается конным поло...
В 1969-м он начал работать на Бродвее, в 1970-м дебютировал в Голливуде, в фильме «Любовная история». В 72-м снялся в главной роли в канадском фильме «Гороскоп Эльзы».
Первая большая роль в Голливуде — «Тюрма округа Джексон» (1976). В 1991-м снялся у Оливера Стоуна в «JFK», номинировался на «Оскара» за роль второго плана. Но — пролетел, зато такого «Оскара» он получил за роль в фильме «Беглец» (1993). Снимался также в фильмах «Глаза Лауры Марс» (1978), «Дочь шахтера» (1981), «Штормовой понедельник» (1988), «Пакет» (1989), «Клиент» (1994), «Прирожденные убийцы» (1994), «Бэтмен навсегда» (1995) и других. Дебютировал как режиссер и сценарист в телесериале «Милые старички» (1995). Отец — нефтяник, мать — офицер полиции. У Джонса сын Остин Леонард 14 лет и дочь Виктория Кафка 5 лет.
— «Вулкан» — фильм-катастрофа. А вы сами никогда не переживали подобных катаклизмов в жизни?
— Я пережил жуткое природное бедствие в Западном Техасе в 50-е годы — страшную засуху, которая нанесла большой ущерб людям. И я был в Остине, когда случилось жуткое наводнение, которое унесло жизни многих людей. Это произошло 15 лет назад.
— Чувствовали ли вы в тот момент реальную опасность?
— В Остине? Разумеется.
Все, кто жил в округе Трэвис, чув-

ствовали себя в опасности.
— А чувствовали ли вы себя в опасности на съемках?
— Сниматься было трудно, но это же не было реальной угрозой для жизни. Приятного, однако, было мало. Стоять в толпе из двух-трех сотен людей, где за ночь сжигали две с половиной — три тонны пропана... Огонь был близко и обжигал. Все было по-настоящему.
— Без компьютерных штучек?
— Использовалось все, что сегодня в багаже у кинематографистов — живой огонь, компьютерная графика и прочее.
— Но ведь никто не пострадал?
— Серьезного, во всяком случае, ничего не произошло, и это к чести команды, занимающейся спецэффектами, к чести каскадеров и актеров. Необходимо было работать всем вместе, подавить свое эго и помогать друг другу.
— Очевидно, мало приятного в том, что у вас под носом устраивают настоящий пожар?
— Да уж. Бумага, обсыпанная пылью, и газ очень быстро заставляют чувствовать себя так, словно у тебя сильнейший приступ аллергии.
— Как вы считаете, почему зрители так любят фильмы-катастрофы?
— Посмотрите на все эти фильмы и на то общее, что в них есть. Обычно они начинаются с картин какого-то созидательного труда. И вдруг — природная стихия, наводнение, извержение вулкана или еще что-нибудь начинает угрожать тому, что так долго и любовно возводилось. Люди бросают

свою работу, чтобы спастись. Обостряются чувства, происходит понимание каких-то вещей, какое в иной бы ситуации не пришло никогда, ощущение причастности к человеческому сообществу. Так было со времен Ноя, так это произошло и в нашей картине.
— Ваши дети видели «Вулкан»?
— Нет. И младшей, пятилетней, я не разрешу смотреть эту картину. Ей слишком рано увлекаться страшными фильмами. Да она и сама предпочитает смешные мультики с говорящими свинками.
— Второе имя вашей дочери — Кафка. Почему?
— Это девичья фамилия ее бабушки со стороны матери.
— И ничего общего с писателем?
— Нет.
— Для того чтобы сниматься в фильмах, подобных «Люди в черном», где вы сыграли агента секретной разведки, сражающегося с инопланетянами, вероятно, нужно иметь недолжное чувство юмора?
— О да, это очень смешной фильм. Временами страшный, временами забавный. Юмор — его неотъемлемая часть.
— Вы много бегаете в картине, похоже, что вы это можете хорошо делать?
— Ну, я не бегун, у меня повреждены колени и связки, но я в приличной физической

форме и не чувствовал особенно напряжения во время съемок.
— Вам помогает то, что вы играете в конное поло?
— В поло я играю так часто, как только могу: всегда — когда я не занят на съемках. Это помогает мне поддерживать спортивную форму, и это мне необходимо еще потому, что я занимаюсь бизнесом по выращиванию, тренировке и продаже лошадей для этой игры.
— Это какие-то особые лошади?
— Это специальная порода. Таких чистокровных вы можете видеть еще только на скачках.
— И они легко поддаются обучению, игре...
— Нет. Я бы сказал, что одна на тысячу. Попробуйте сами, увидите. Гораздо больше неудач, чем успехов, — вот что вас ждет. Если перевести это на человеческий уровень, это будет значить, что вы хотите от человека, чтобы он мог одновременно получить степень доктора в области ядерной физики, войти в национальную футбольную лигу и при этом вести себя как епископ.

Лишь очень немногие могут сделать то, чего я от них добиваюсь.
— Какова цена лошади — хорошего игрока в поло?
— 35—40 тысяч долларов.
— Вы об этом так увлеченно рассказываете. А работа в кино — доставляет ли вам сейчас удовольствие работа в кино?
— Да, и гораздо большее, чем раньше. Раньше это было отчаянным неутолимим желанием. Я готов был убить кого-нибудь, включая себя самого, лишь бы получить роль. Но когда становишься старше, начинаешь многое понимать глубже. К тебе больше уважения, получаешь больше денег... Словом, сейчас для меня кино — это и любимая работа, и истинное удовольствие.

Морин ДРЭГОН.
Лос-Анджелес, США.